

Библейско-богословская коллекция
ПАТРОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Преображенский А.

**СВЯТОЙ
ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ
КАК ПРОПОВЕДНИК**

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

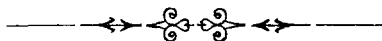
Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

А. Преображенскій.

СВ. ДИМИТРІЙ РОСТОВСКІЙ,

КАКЪ ПРОПОВѢДНИКЪ.

(Рѣчь въ 200-лѣтнюю годовщину ея блаженной
кончины).

КАЗАНЬ.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1909.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи Епископъ *Алексій*.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Правосл. Собесѣдникъ“
за 1909 годъ.

РѢЧЬ

въ 200-лѣтнюю годовщину блаженной кончины св. Димитрія, Ростовскаго Чудотворца.

Ваше Высокопреосвященство,

Ваше Преосвященство,

М-выя Г-ни и М-выя Г-ри!

Съ живыми и радостными впечатлѣніями отъ церковнаго торжества, подъ неумолкнувшіе еще благодатные звуки молитвъ и пѣснопѣній церковныхъ, собрались мы сюда, чтобы продолжить и полнѣе закончить нашъ знаменательный юбилейный праздникъ. О комъ-же другомъ можно было-бы говорить въ настоящемъ случаѣ, какъ не о самомъ виновникѣ настоящаго торжества, имя котораго неизгладимыми буквами вписано какъ въ исторію русской церкви, такъ и въ исторію подлинно-православной культуры русскаго духа. 200 лѣтъ, два долгихъ вѣка отдѣляютъ насъ отъ дня блаженной кончины свят. Димитрія, митр. Ростовскаго.... Сколько событій громадной важности, сопровождавшихся глубокими потрясеніями, успѣло совершиться за этотъ долгій періодъ, сколько именъ утратилось и затерялось за это время, сколько зданій и цѣлыхъ городовъ стерлось съ лица земли, но не потускнѣлъ отъ „пыли вѣковъ“ и „злобы временъ“ духовно-величавый образъ могучаго богатыря русской церкви, не исчезло изъ памяти народной и широкаго русскаго благодарнаго сердца имя великаго Чудотворца и Архипастыря, давно уже утратившее всякое хронологическое значеніе. Чѣмъ

болѣе развертывается передъ нами сложная исторія духовнаго „строенія“ и „созиданія“ Руси, чѣмъ болѣе заносятся на ея страницы новыя открывающіяся подробности изъ жизни и дѣятельности Святителя, чѣмъ болѣе останавливаешься „испытующимъ взоромъ“ на пережитыхъ моментахъ русскаго прошлаго, ознаменовавшихся труднѣйшими переломами народной и государственной жизни, тѣмъ глубже начинаешь чувствовать и убѣждаться въ обилии того духовнаго свѣта, какой пролила на родную русскую ниву эта „яркая звѣзда, пришедшая съ Кіева“.

Время, въ которое жилъ и дѣйствовалъ св. Димитрій Ростовскій, было критическимъ переходнымъ временемъ. „Все еще раздробленная, Русь болѣла и внутренними недугами всевозможнаго неурейства, отъ котораго уже назрѣвала необходимость крутой Петровской реформы, въ истерпѣливомъ созиданіи наносившей не мало ударовъ и самымъ основамъ существованія русской націи. Въ это тяжелое время, православная церковь, терзаемая и внутренними раздорами, потрясаемая множествомъ злоупотребленій, дававшихъ поводъ къ недопустимой церковной ломкѣ,—въ это, повторяю, критическое время церковь была украшена отъ Господа великими святыми мужами, которые выражали въ себѣ духъ множества другихъ безвѣстныхъ подвижниковъ, спасавшихъ дѣло Божіе и въ смутной Россіи Петровской реформы залагавшихъ еще болѣе твердыя основы древней „святой“ Руси“¹⁾. Такимъ избранникомъ былъ св. Митрофанъ Воронежскій, такимъ былъ и святой Димитрій Ростовскій.

Сочувствуя просвѣтительной дѣятельности Петра, самъ находясь въ умственномъ общеніи съ Западомъ, имѣя въ своей библіотекѣ, едва ли не впервые въ Московскій Руси, сочиненія Фрэнсиса Бэкона Веруламскаго, онъ не одобрялъ ни порывистой, неразборчивой спѣшности въ проведеніи царемъ его реформъ, ни крутаго разрыва съ „лучшимъ наслѣдіемъ“ старины. Можно думать, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые стреми-

¹⁾ См. Яросл. Епарх. Вѣд. за 1902 г., стр. 358—359.

лись къ слянію западнаго просвѣщенія съ старорусскими церковными взглядами, которые умѣли взять съ запада то, что было тамъ лучшаго, не отвергая и того изъ Византійскаго наслѣдства, что уже вошло въ самое существо русской народной души. Въ суровую эпоху Петровскихъ нововведеній Святитель явился хранителемъ исконнаго достоянія св. Руси,—живой, дѣйствующей чрезъ любовь и милосердіе, православной вѣры. Малороссъ родомъ, воспитанный на первыхъ порахъ въ понятіяхъ кіевскихъ „чернецовъ“, не долюблявавшихъ московскихъ порядковъ и вмѣшательства московскихъ владыкъ въ церковныя дѣла малорусской церкви, онъ сумѣлъ потомъ кровно полюбить русскій народъ и русскую жизнь, оставаясь вездѣ русскимъ человѣкомъ, святителемъ русской церкви и дѣятелемъ русскаго государства. Онъ одинаково ревностно трудился какъ въ Кіевѣ, Батурипѣ, Вильно, Слуцкѣ, такъ въ Москвѣ и Ростовѣ. На Ростовской кафедрѣ онъ скорбѣлъ всеми скорбями своей паствы и умѣлъ сблизить ее своею любовію. Русскому духовному просвѣщенію имъ оказаны незабываемыя услуги. Обладая многочисленными и разнообразными знаніями, полученными, главнымъ образомъ, путемъ самообразования, владѣя славянскимъ, польскимъ, латинскимъ, греческимъ и еврейскимъ языками, онъ въ теченіи 20 лѣтъ создалъ такой агіографическій монументъ, какъ Четьи-Миней, въ которомъ объединилъ все, до него созданное по этой части древне-византійскимъ православіемъ, православіемъ Московскимъ и Кіевскимъ. Этотъ кропотливый критическій трудъ, согрѣтый глубокимъ благоговѣніемъ къ изображаемымъ лицамъ, чуждый желанія поучать словами, а не дѣлами и событіями самой жизни праведниковъ, былъ истинною твердынею православнаго сознанія въ то тяжелое XVIII столѣтіе и доставилъ русскому благочестію неистощимый источникъ спасительнаго, нравственно воспитывающаго чтенія, а его автору всероссійскую извѣстность и неотъемлемое право считаться однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ воспитателей самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ гуманныхъ чертъ нашего національнаго благочестія. Въ нихъ, въ этихъ Четьихъ-Ми-

неяхъ—такъ живо передана святая поэзія христіанскихъ сказаній, что даже свѣтскіе писатели, притомъ очень недавняго времени (напр. Герценъ), ищутъ въ нихъ содержанія для своихъ художественныхъ переработокъ ¹⁾. Его поученія, сохранившіяся въ цѣломъ рядѣ списковъ и печатныхъ изданій, что далеко не часто выпадаетъ на долю духовно-литературныхъ произведеній,—проводятъ въ сознаніе массъ основныя темы Златоустовыхъ поученій о любви и милостынѣ какъ разъ въ то время, когда старинныя славянскіе переводы этихъ послѣднихъ, по устарѣлости языка, „начинаютъ казаться не только мірянамъ, но и священникамъ—написанными на иностранномъ діалектѣ“ ²⁾. Кромѣ Мивей и поученій, имъ оставлено много молитвъ, размышленій, псалмъ, службъ, кантовъ и мистерій, полныхъ особенно живаго чувства любви къ Распятому Господу, за которыя Св. Церковь справедливо назвала его „духовной цѣвницею“. Онъ—же явился однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ обличителей старообрядческаго раскола. Гордость русской агіологии и литературы, онъ былъ, для своего, конечно, времени, и гордостью педагогика, какъ основатель и руководитель первой въ Велико-россіи (послѣ Московской), по признанію проф. Шляпкина, элементарной *народной* школы ³⁾. *Двести* лѣтъ тому назадъ, въ дикомъ Ростовско-Ярославскомъ краю, онъ примѣнилъ къ великому дѣлу образованія тѣ начала, какія съ новой силой провозглашены недавно, какъ идеаль современной школы: искреннее христіанское направленіе, семейная близость учащихся къ учащимся и побѣда свободнаго живаго отношенія къ дѣлу надъ схоластикой мертвой рутинны. Я не говорю уже о „святomъ святыхъ“ его личной духовной жизни, его нравственныхъ аскетическихъ подвигахъ, которымъ онъ предавался не менѣ охотно, чѣмъ книжному подвижничеству, ученому труженничеству

¹⁾ См. „Легенда о св. Оеодѣрѣ“ въ „Русской мысли“ за 1881 г., № 12,—предисловіе Е. Некрасовой, стр. 49.

²⁾ Церк. Вѣстникъ, 1907, № 48, стр. 1543.

³⁾ И. А. Шляпкинъ. Димитрій Ростовскій и его время (СПб. 1891), стр. 353.

ству, не говорю о подвигѣ незримыхъ молитвенныхъ бдѣній, незримыхъ спасительныхъ слезъ. Витая мыслію по преимуществу въ мірѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ, онъ находилъ въ этомъ мірѣ не только источникъ знанія, духовнаго просвѣщенія, но и средство очищенія ума и сердца. По разсказу его житій еще при жизни онъ удостоивался чудесныхъ откровеній въ духовномъ общеніи съ св. великомученицею Варварою, мученикомъ Орестомъ и др. подвижниками ¹⁾. Апостолъ любви, милосердія, онъ былъ и жилъ полнымъ безсребренникомъ, не зналъ пристрастія къ деньгамъ, мало цѣнилъ удобства и комфортъ жизненной обстановки. До крайности ограниченный въ своихъ расходахъ скупымъ Монастырскимъ Приказомъ, испытывавшій иногда стѣсненія въ самомъ необходимомъ, онъ при первой возможности дѣлился съ „нищею братією“ своими „серебрянными копѣйками“, а иногда обдѣлялъ по грошику на человѣка учениковъ своей школы, бывшей его излюбленнымъ дѣтищемъ. Поистинѣ нельзя безъ душевнаго волненія и умиленія читать „Духовной“ св. Дмитрія, составленной имъ въ 1707 г. Святитель усиленно проситъ не разыскивать напрасно послѣ его смерти имѣнія и не истязать служившихъ ему Бога ради. „Отъ юности и до приближенія моего ко гробу не стяжевахъ имѣнія и мшелоимства, кромѣ книгъ святыхъ. Не собирахъ въ архіерействѣ келейныхъ приходовъ, яже не многи бяху, но ово на мои потребности та иждивахъ, ово-же на нужды нуждныхъ. Аще никто не восхоцетъ мя, тако нища, обычному предати погребу, то пусть бросагъ въ убогій домъ. Изволь безденежно помянути грѣшную мою душу въ молитвахъ своихъ Бога ради, таковый самъ да помяновенъ будетъ въ Царствіи Небесномъ. Требуай-же за поминовеніе мзды,—молю, да не поминаетъ мя нища, ничтоже на поминовеніе оставльша“.

Вотъ какъ многогранна, сложна и разностороння жизнь и дѣятельность св. Дмитрія, митрополита Ростов-

¹⁾ См. Е. Поселянинъ. Полное собраніе житій святыхъ, мѣс. октябрь, стр. 158—159; ср. Муравьевъ. Житія святыхъ Россійской церкви, м. сентябрь, 348—351.

скаго. Его можно изучать, какъ богослова, историка, агіолога, палеографа, лирика, педагога, проповѣдника. Преклоняясь передъ этою многогранною личностью духовнаго подвижника и Святителя, хотѣлось-бы, разумѣется, въ этотъ священный знаменательный день со всѣхъ сторонъ окружить его, прислониться къ нему своими мыслями, чувствами, со всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыхъ сторонъ взглянуть въ него, чтобы дать болѣе ясный, болѣе полный отчетъ себѣ и другимъ въ той массѣ свѣта, какая исходитъ отъ него во всякую открытую и ищущую свѣта душу, но... это потребовало бы отъ насъ слишкомъ большого времени и, во всякомъ случаѣ, не одной рѣчи.... Я позволю себѣ, поэтому, обратить Ваше просвѣщеннѣйшее вниманіе на одну только сторону, на одну черту въ этомъ высококомъ и привлекательномъ образѣ св. Димитрія, Ростовскаго Чудотворца, на его проповѣдничество, хотя и здѣсь я не могу претендовать на хотя-бы относительно-полное освѣщеніе.

Связанный, какъ я уже сейчасъ сказалъ, недостаткомъ времени, я не буду касаться ни объема его проповѣднической производительности, ни тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ произнесены были тѣ или другія выдающіяся слова, ни тѣхъ, правда, незначительныхъ измѣненій въ области слога, какимъ подвергались, наряду съ Четы-Минеями Святителя, и его поученія въ послѣдовавшемъ за его смертью рядѣ печатныхъ изданій—вообще тѣхъ *библиографическихъ* вопросовъ, съ отвѣта на которые начинается обыкновенно, по требованію историко-литературной методикки, обзорнѣе проповѣдническихъ произведеній. Достаточно, можетъ быть, будетъ упомянуть о томъ, что тѣ 100 словъ (приблизительно), которыя извѣстны пока въ печати съ именемъ св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, не составляютъ и половины того, что было сказано неутомимымъ, безпримѣрно-трудолюбивымъ витіемъ за свыше 30-тилѣтній періодъ его проповѣдническаго служенія. Стоитъ только взглянуть на одно распределеніе этихъ напечатанныхъ словъ и „предикъ“ по періодамъ жизни Святителя, достаточно сопоставить

ихъ съ голыми датами, чтобы видѣть все несоотвѣтствіе ихъ дѣйствительности. Изъ общаго указаннаго числа только пять поученій приходится на весь малорусскій проповѣдническій періодъ, болѣе чѣмъ въ 24 года. Пять поученій и цѣлая четверть вѣка въ „служеніи слову“—вѣдь это ни съ чѣмъ несообразное соотношеніе, даже если забыть о тѣхъ положительныхъ указаніяхъ, какія дѣлаются въ разныхъ источникахъ относительно мѣста, времени, обстоятельство произнесенія, иногда и заглавій той или другой утраченной проповѣди, не сохранившейся ни въ спискахъ, ни въ подлинникѣ¹⁾, если закрыть совершенно глаза на то, что мы имѣемъ дѣло не съ простымъ іеромонахомъ и архимандритомъ, а съ оффиціальнымъ, т. наз. „епископскимъ проповѣдникомъ“ разныхъ кафедръ, переходившимъ съ мѣста на мѣсто съ спеціальною цѣлію „посѣянія слова Божія въ сердца вѣрующихъ“, который два года слишкомъ проповѣдывалъ въ Черниговской епископіи, около года съ половиною—въ Слуцкѣ—этомъ центрѣ бернардино-іезуитской католической пропаганды,—болѣе того—въ Кіево-Печерской Лаврѣ и т. п.,—если, наконецъ, не считается съ неоднократнымъ заявленіемъ приснопамятнаго Святителя, что онъ горитъ желаніемъ послужить дѣлу Христову, что ему нужно, не щадя силъ, не зная покоя, „уловлять души вѣрныхъ и „пишущею рукою“, и „наизустнымъ въ церкви слова сказаніемъ“²⁾. Смиренный Владыка и Архипастырь не думалъ при жизни объ изданіи своихъ поученій. Подлинныхъ рукописей его также сохранилось весьма немного. Согласно его предсмертной волѣ, черновики его сочиненій положены были вмѣстѣ съ нимъ въ гробовую колоду, при вскрытіи которой, спустя 42 года послѣ его кончины, они уже оказались истлѣвшими. Но его поученія оставались въ спискахъ въ Ростовскомъ Архіерейскомъ домѣ, до 30 поученій ока-

¹⁾ См., напр., И. А. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время, стр. 23—24, 29, 408 и др.; см. Братское Слово за 1895. т. II, стр. 727—728.

²⁾ Яр. Еп. Вѣд. за 1902, стр. 587.

залось въ т. н. „Софійской Библиотекѣ“ (—нынѣ перешедшей въ собственность духовной академіи въ Петербургѣ) и у многихъ частныхъ лицъ (напр., Сыромятникова)¹⁾ въ свиткахъ и сборникахъ. Неудивительно, при такихъ условіяхъ, если многія изъ поученій св. Димитрія не сохранились до нашего времени, не трудно понять отсюда тѣ варианты и разночтенія, какія открываются глазамъ изслѣдователей въ серіи сохранившихся списковъ, преемственно наслѣдовавшихъ одинъ другому, легко разрѣшается отсюда и то обстоятельство, что многія поученія нашего проповѣдника при неоднократномъ списываніи и переписываніи потеряли своего автора и, наоборотъ, многія, не принадлежація ему „казанья“ и „предики“ были надписаны (иногда намѣренно)²⁾ его авторитетнымъ и славнымъ именемъ. Все это, конечно, создаетъ нѣкоторыя затрудненія при общей оцѣнкѣ св. Димитрія, какъ проповѣдника, требуя отъ изслѣдователя особенной осторожности въ выводахъ. Избѣгая подробностей и прося довѣрія въ томъ, что мною отдѣлены всѣ dubia, spuria отъ несомнѣнныхъ проповѣдническихъ твореній Димитрія, я постараюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи рассмотреть проповѣди Святителя со стороны тѣхъ основныхъ мотивовъ и темъ, около которыхъ вращается, вообще, содержаніе его поученій, — въ связи съ нѣкоторыми явленіями современной жизни и вопросомъ объ общихъ задачахъ проповѣди. Этимъ я ограничиваю свою задачу.

Охватить все богатство содержанія поученій съ достаточной отчетливостью и обстоятельностью въ краткой рѣчи представляется затруднительнымъ, — поэтому мы позволимъ себѣ сдѣлать, въ переводѣ на современный языкъ и мѣстами въ свободномъ перифразѣ, синтезъ наиболѣе существенныхъ элементовъ проповѣди Святителя, уяснивъ и выдѣливъ то основное зерно, изъ котораго, какъ изъ живительнаго ключа, струились всѣ частныя отдѣльныя темы, опредѣлялись какъ положительныя моральныя требованія проповѣдника, такъ и его обличенія „чадъ церковныхъ“.

1) Богосл. Вѣст. за 1906, т. 2, стр. 512.

2) См., напр., изслѣд. (Горскаго и Барскаго): „Св. Димитрій, митр. Ростовскій“ (Москва, 1849), стр. 104, прим. (р).

Цѣль пришествія въ міръ Сына Божія, равно какъ и цѣль всего домостроительства спасенія нашего, состоитъ въ томъ, чтобы всякій, „вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“. Благая вѣсть объ этой вѣчной жизни или о спасеніи отъ вѣчной гибели составляетъ главный предметъ и задачу всей апостольской и церковной проповѣди. Она-же, эта вѣчная жизнь—составляетъ конечную цѣль стремленій и всякаго истиннаго христіанина, всякаго христіанскаго подвижника,—составляетъ то высочайшее благо, которое дастъ смыслъ жизни по Христу и безъ котораго эта послѣдняя была-бы безцѣльной и непонятной. Въ чемъ же содержаніе этого *summum bonum*? „Сіе всё щастіе христіанскаго человѣка, говоритъ проповѣдникъ, сіе вся духовная утѣха, сіе вся надежда спасенія и самое спасеніе, сіе первое чаяніе живота вѣчнаго и самый животъ вѣчный—знати Бога, слышателя мой православный! „Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе, Единого Истиннаго Бога и Его-же послалъ еси—І. Христа“ (Іоан. XVII, 3)¹⁾. О какомъ же познаніи здѣсь говоритъ апостоль? Разные „способы познанія Божества“²⁾, точнѣ Богоощущенія, *Богосознанія*. Для однихъ Богъ есть только понятіе, или отвлеченное представленіе, для другихъ—(Псаломскаго безумца) ложный призракъ, для третьихъ—это живая духовная сила, которую они сознаютъ, какъ нѣчто болѣе реальное, истинное, превосходное, драгоценное, чѣмъ внѣшній міръ или даже ихъ собственная душа. Конечно, и въ приведенныхъ словахъ апостола разумѣется не холодное разсудочное познаніе Бога, которое „мнится точію быти знаніе, а не есть знаніе „самою вещію“. И бѣсы вѣрують, но остаются по прежнему бѣсы, они только трепещутъ Бога, казнящаго ихъ вѣчною казнью; въ ихъ страхѣ нѣтъ нравственно-религіозной основы, это страхъ муки, отчаянія, но не премудрости. Познаніе Бога, чтобы быть „добрымъ“ и „совершеннымъ“,

¹⁾ Сочин. св. Димитрія, т. 2, стр. 246 (—цитируются по шестому изданію 1840 года).

²⁾ *Ibidem*.

чтобы вполнѣ отвѣчать своему понятію и своему объекту, должно быть переживаніемъ въ себѣ, „хожденіемъ во свѣтъ и лѣпотъ любви Божіей“, яко Богъ есть любви. Человѣкъ тогда дѣйствительно, „самою вещью“ познаетъ Бога, когда онъ не остановится на одномъ признаніи того, что „вѣка совершились глаголомъ Божиимъ, что Богъ—вездѣ сый и вся исполняй“,—а восприметъ Его внутрь себя, т. е. когда Богъ будетъ для него не только перво-причиною всѣхъ причинъ, первую посылкою мірозданія, а перейдетъ внутрь человѣка, станетъ живою силою, одушевляющею человѣка и строяющею его по Своему образу и подобію ¹⁾). „Недоступный для ума входитъ въ сердце и обитаетъ въ немъ; сокровенный отъ огнесранныхъ обрѣтается въ сердцѣ. Земля не выноситъ стопы Его, а чистое сердце носитъ Его въ себѣ“ ²⁾). Вотъ почему „всякъ любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога, а кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, ибо Богъ есть любви“. „Вкусите и видите,—говоритъ проповѣдникъ, отвѣдайте любовью, и увидите познаніемъ, яко благъ Господь“ ³⁾

Что-же это за благодать Божія, что это за любовь Его? Любовь Божія открылась намъ въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ Единороднаго Сына Своего, дабы мы получили чрезъ Него жизнь. Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ—„не дивно бы за други“, но еще грѣшникомъ сущимъ намъ и врагомъ Ему бывшимъ—возлюбилъ насъ до самопожертвованія, и Сына Своего далъ есть въ умилостивленіе за грѣхи наши“. Христосъ—совершеннѣйшее откровеніе Божества. Во Христѣ Богъ открылся въ наиболѣе близкомъ нравственному сознанію человѣчества видѣ. Тайна божественной жизни явилась въ Немъ не въ неприступномъ величій, которое только устрашало подзаконнаго человѣка, а въ образѣ страждущей любви. Христосъ близокъ намъ, конечно, и въ тайнѣ воплощенія,

¹⁾ Ibidem, стр. 247--248.

²⁾ Архим. (нынѣ архіепископъ) Сергій. Христіанское ученіе о спасеніи (изд. второе, Казань, 1898), стр. 95.

³⁾ Сочиненія Димитрія, т. 2, стр. 252.

какъ живущій общею съ нами жизнью, но подвигъ безвиннаго страданія Богочеловѣка Христа доводитъ эту близость до степени самой тѣсной любви, доходящей до полнѣйшаго самопожертвованія. И какой это былъ страшный, жестокій, мучительный подвигъ! Предъ взоромъ Христа вставало все былое и все грядущее, предъ Его сознаніемъ раскрывалось все тайное всѣхъ сердець, всѣхъ людей, всѣхъ временъ, взглядъ Его проникалъ въ самую глубину ужасной бездны человѣческихъ паденій, страстей, крови, сладострастія, смерти. Не ужасы и стоны одной войны, не паденія и вопли отдѣльныхъ личностей, а преступленія массовыя и частныя, явныя и тайныя, дѣла и мысли, преступленія всего человѣчества пережилъ Христосъ въ минуты своихъ страданій,—непризнанный народомъ, покинутый учениками, оставленный Небеснымъ Отцемъ. Пусть каждый представитъ себѣ теперь эти слезы, поты и кровь, эти ужасы и испытанія, эту боль и муку Святѣйшаго Сына Божія, пусть почувствуетъ эту близость къ себѣ Скорбящаго Искупителя, пусть отдастся сладостнѣйшей увѣренности, что и *онъ*, лично *онъ*, былъ и есть заключенъ въ мысли и сердце Голгооскаго Мученика,—и тогда тѣсная по природѣ связь Сына Божія и человѣчества возводится на такое прочное религиозно-нравственное основаніе, что ее не должны бы расторгнуть никакія,—ни человѣческія, ни адскія, силы. Не съ изумленіемъ-ли, съ благоговѣйнымъ восторгомъ, съ благодарной любовью, съ чувствомъ стыда, покаянія за нашу позорную жизнь, съ чувствами горячей вѣры и свѣтлыхъ надеждъ на необъятную любовь крестнаго Мученика будетъ взирать тогда человѣкъ на Голгоѳу, не загорится-ли въ отвѣтъ на любовь, какую онъ видитъ въ Распятомъ Владыкѣ и Господѣ, такой-же безграничной и безкорыстной любовью, „не ищущи своихъ си, не чая воздаянія вѣчнаго, но токмо услаждаяся божественною любовію“, не воскликнетъ-ли вмѣстѣ съ Ѳомою: Господь Мой и Богъ Мой?!... Готово сердце мое, къ Тебѣ, готово сердце мое. Боже спасенія моего.... Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ, Ты мой Спаситель, научающій руцѣ мои на брань!..

„Я увѣренъ,—вдохновенно вѣщаетъ св. апостолъ,—что ни смерть, ни жизньъ, ни ангелы, ни пачала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христа Иисуса, Господя Нашемъ“ (Римл. 8, 38—39). Въ чемъ-же должно выразиться или во что облечься это крѣпкое духовное единеніе съ Распятымъ Владыкой и Господомъ? Отреченіе отъ эгоизма, отъ служенія „всѣмъ прелестямъ и роскошамъ свѣта“, духовное послѣдованіе за Христомъ, борьба съ грѣхомъ—вотъ въ чемъ христіанинъ обнаруживаетъ „главенство любви Отчей въ немъ“. Если Голгоа несетъ людямъ свѣтъ, радость, миръ, искупленіе, то она-же несетъ и судъ міру, и смерть грѣху, ибо грѣхами мы „второе распинаемъ Сына Божія, скверну вмѣняемъ кровь завѣтную, еюже освятились“. Какъ можетъ и можетъ-ли чуткій совѣстью послѣдователь Христа забыть, что вѣдь не іудеи лишь по зависти и злобѣ предали живоносную плоть Христа поруганію, заушенію, оплеванію, униженію и смерти, но наши грѣхи, наши беззаконія, наши неправды. И потому каждый, кто бы онъ ни былъ, размышляя о пречистыхъ язвахъ Спасителя, стоя предъ мысленною Голгоою, пусть ищетъ въ мертвенномъ лицѣ Христа, въ кровавыхъ ранахъ главы, ребръ и ногъ Его признаковъ своей преступности, ясныхъ доказательствъ своей личной глубокой виновности въ смерти Праведника сего. Взгляни на Святѣйшую главу Его, которая премудростью Своею все устрояетъ, всѣхъ управляетъ, которая избрѣла дивныя средства для спасенія человѣчества; она изъязвлена колючими шипами терноваго вѣнца за наши помыслы нечестивыя, за наши мысли самопадѣянныя, закону живого Бога противныя, оскорбляющія Его величіе и святость; всмотри въ пречистое сердце Его; оно прободено копіемъ, чудотворная кровь и вода пролились изъ него за наше лукавое сердце, полное смрадныхъ и нечистыхъ пожеланій, злобныхъ намѣреній, самолюбивыхъ стремленій; предъ очами твоими—сложенныя крестомъ длани Христа,—посинѣвшія, съ зіяющими ранами отъ „острыхъ желѣзныхъ, длинныхъ“ гвоздей, съ зашкшейся на нихъ

кровію; нѣкогда они были цѣлебны для всякихъ недуговъ, прикосновенія ихъ содрогалась смерть...., а нынѣ онѣ сложены крестообразно. насквозь изъязвлены за наши руки, дѣлавшія дѣла темныя, оскверненныя дѣянными нечистыми; останови еще взоръ твой на пречистыхъ ногахъ Христовыхъ, ходившихъ по водамъ, какъ по суху, омытыхъ слезами грѣшницы,—ногахъ, у которыхъ оказался-бы высшимъ во всемъ мірѣ тотъ, кто удостоился-бы быть подножіемъ ихъ; они были готовы въ благовѣствованіе любви, мира и истины всему міру, но онѣ сомкнуты, неподвижны за наши неправые, скользкіе и шаткіе пути, по коимъ блуждаемъ мы, какъ по дебрямъ лѣснымъ, вдали отъ свѣта Христовой истины, во мракѣ себялюбивыхъ заблужденій и лжеученій... Все живоносное и пречистое тѣло Христа измучено, поругано, окровавлено для насъ, для нашего искупленія и спасенія, ради тебя, ради царства благодати и славы, за тебя, за твое очищеніе, исправленіе... „Почто-же живеши грѣхови? почто изнуряеши во грѣсѣхъ жизнь твою? почто не умертвиши въ тебѣ грѣховныхъ твоихъ вождельнѣй? почто лежиши въ лѣности и нерадѣннѣ, аки мертвъ и недѣйственъ? почто не воспрянеши, не возстанеши, не имѣнися дѣлъ добродѣтельныхъ? почто не покажешися живъ и дѣлающъ въ заповѣдехъ Его? почто Его ради не потрудишися по силѣ твоей, да угодиши Ему и благодаренъ явишися язвъ Его, за тя подъятыхъ? Встанн спай и воскресни отъ мертвыхъ... Затворишь во внутрсннюю клѣтъ совѣсти и спроси самъ себя, ученикъ ты, или предатель, распинаешь Его, или самъ сораспинаешься съ Нимъ. Не распялъ-ли Христа, не покрылъ-ли сугубымъ терновымъ вѣнцемъ главу Христа ты, поклонникъ личнаго своеобразнаго толкованія завѣтовъ Христа (раскольникъ), не одѣлъ-ли снова багряницею червленою ты, блюститель закона, судья (изображенный прор. Михеемъ), когда, попирая правду закона, ты „чинилъ убогимъ обиды, неправды, хищенія, озлобленія?!. Съ нами-ли Христось, если и въ дни поста и сокрушенія о грѣхахъ насъ больше прельщаетъ шумъ гульбищъ, кулачныхъ боевъ, хороводовъ и игрищъ, чѣмъ смиренная мо-

литва Распятому?!. Съ нами-ли Христось, царствуетъ-ли Онъ въ душахъ нашихъ, если мы все еще клеветемъ на ближняго, если зависть его успѣху, посмѣяніе и поношеніе, жестокосердіе къ бѣднымъ свили себѣ гнѣздо въ сердцахъ нашихъ?! Христось-ли тамъ? Не придется-ли вмѣстѣ съ Марією Магдалиною постѣловать и сказать: взяли Господа моего и не знаю, гдѣ положили Его... Не ищите Его, воста, нѣсть здѣ....¹⁾

Съ внутреннимъ самоиспытаніемъ, съ покаяннымъ настроеніемъ, освѣжасомъ и укрѣпляемомъ спасительнымъ размышленіемъ о Голгоѣскихъ страданіяхъ, исповѣданіемъ грѣховъ и соединеніемъ со Христомъ въ таинствѣ Тѣла и Крови Его, въ истинномъ послѣдователѣ Христовомъ, облеченномъ въ Него, т. е. усвоившемъ Его настроеніе, должны соединяться и искренняя нелицемѣрная привязанность, любовь и состраданіе къ людямъ. При Крестѣ сокрушается самое черствое сердце, при Крестѣ научаются любить и страдать... Возлюбленіи! аще тако возлюбилъ ны Богъ, и мы должны есмы другъ друга любить (1 Іоан. IV, 7). Любя Бога за то, что Онъ есть любовь, благоговѣя предъ Нимъ, какъ Любовью, я не могу не переносить своей любви и на все то, куда направляется Божественная любовь, я не могу не любить тѣхъ, которые любятъ Бога, мною любимаго. Распятый Господь, пострадавшій за всѣхъ, является здѣсь самымъ прочнымъ связующимъ элементомъ, и эта связь дѣлаетъ то, что никогда не въ силахъ сдѣлать одно сознаніе единства природы. Богъ существо вседовольное, всеблаженное, потому уподобиться Ему мы можемъ только любя братьевъ своихъ и жертвуя собою для нихъ. „Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ и любви Его совершенна есть въ насъ“ (1 Іоан. IV, 12). Поэтому и Спаситель сказалъ:

¹⁾ Изложенное въ этомъ отдѣлѣ представляетъ идейное объединеніе содержанія поученій Святителя на нед. Жень-Муропосиць, на память великомуч. Евстафія Плакиды, на день великомуч. Димитрія Солунскаго, на 23-ю нед. по Св. Духъ (отчасти) съ его „Плачемъ на погребеніе Христово“.

„понеже сотвористе единому отъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе“ (Мѡ. XXV, 40). „Слыши. Всякая вещь, аще добрая или злая, ближнему творимая, на Самого Христа изливается.... Даль еси нищему милостыню, Христу даль еси, не даль-же еси нищему, Христу не даль еси; благодѣтельствовалъ ли еси ближнему, Христу благодѣтельствовалъ еси, аще-же не благодѣтельствовалъ еси ближнему, Христу не благодѣтельствовалъ еси“¹⁾. Христосъ навсегда хочетъ быть соединеннымъ съ больнымъ и бѣднымъ. Отсюда и въ послѣдній день Онъ положительно обѣщаль признать Своими и прославить тѣхъ, кто посѣщаль бѣдныхъ, падшихъ и униженныхъ, и помогаль имъ въ нуждахъ. Отсутствіе подобной любви, напротивъ, послужитъ къ окончательному осужденію человѣка на послѣднемъ судѣ и явится рѣшительнымъ признакомъ отсутствія въ немъ истинной любви къ Богу.

Здѣсь мы у самага зерна, у самой, такъ сказать, сущности проповѣди Святителя Димитрія. Покаянная вѣра и любовь къ Распятому Господу должна, по нему, проникать всю душевную настроенность человѣка, опредѣлять его характеръ, проявляться во внѣ, въ свободныхъ и разумныхъ дѣйствіяхъ, заправлять его поведеніемъ, его поступками въ отношеніи ближнихъ. Это и есть то „мѣрило праведное“, тотъ пробный камень, которымъ испытывается наша вѣра, наше упованіе, наша любовь. „Подобно тому, замѣчаетъ Ѳаворовъ, какъ св. ап. Павелъ говорилъ Коринѳянамъ: „не судихъ что вѣдѣти въ васъ, точію Иисуса Христа и сего распята“, — и святой Димитрій въ бесѣдахъ своихъ непрестанно обращаетъ взоры ума и чувства сердца своихъ слушателей къ Распятому за насъ Сыну Божію. Мысль и чувство самага Святителя любили привитать у креста Христова и сей главный догматъ вѣры нашей служилъ у него, можно сказать, средоточіемъ каждаго поученія. Подобно Игнатію Богоносцу, и онъ могъ сказать о себѣ, что любовь его пригвождена ко Христу“²⁾. Возрождающая

1) Сочиненія св. Димитрія, т. 2, стр. 363.

2) См. Воскресное Чтеніе за 1850—51 г. (годъ XIV), стр. 78, 81.

сила спасительныхъ размышленій о язвахъ Господнихъ— его любимая тема. Мало того, онъ хотѣлъ бы постоянно обнимать съ Магдалиной ноги Спасителя, лобызать Его язвы и изливать предъ Нимъ благодарное и упоенное любовію сердце. „Невѣста Духа Святаго, говоритъ онъ въ одномъ поученіи, сіестъ душа челоуѣка боголюбиваго, голубицѣ уподобленная, обрѣтши превеликое Христова искупленія благодѣяніе, толь есть Его благодарна, яко никогда-же отъ язвъ тѣхъ. искупленіе намъ принесшихъ, отлучатися хочеть, но всегда въ нихъ, аки голубица въ разсѣлинахъ и дѣрахъ каменныхъ, водворяется и пребываетъ. Пребываетъ же неотступно, тамо сѣдитъ, тамо почиваетъ, тамо вся дни и ноци жительствуетъ, сіестъ, аще сѣдитъ, аще почиваетъ, аще ястъ, аще пѣтъ, аще что-либо творитъ, всегда умомъ предъ очима зритъ Господа Своего распятаго и въ язвахъ Его мыслию водворяется. Таковъ бѣ авва Стефанъ, о немъ-же въ Лимонарѣ чтемъ, иже тріемъ старцемъ, къ нему пришедшимъ и о пользѣ души много бесѣдовавшимъ, егда ничесоже глаголаше къ нимъ, реша старцы: ничесоже-ли отвѣщаваеши намъ отче? мы пользы ради къ тебѣ приидохомъ. Тогда глагола къ нимъ авва: простите ми, доселѣ не разумѣхъ, что глаголасте, не внимахъ бо бесѣдѣ вашей, но стояхъ умомъ моимъ на Голгоѣ, смотря на Распятаго Господа моего, азъ бо дню и ношю ничтоже ино вижду, токмо Христа Іисуса, на дрѣвѣ висяща. То голубица, въ разсѣлинахъ каменныхъ обитающая, то душа, за искупленіе свое благодарная, въ язвахъ Христовыхъ всегда умомъ водворяющаяся, то благодарствіе, выну Господу Своему прилѣпляющееся, и съ Нимъ непрестанно жителствовати желающее, дабы съ Нимъ былъ“¹⁾.—Вотъ та чудная пѣснь любви къ Распятому, та постоянная дума, дыханіе которой мы чувствуемъ на всемъ протяженіи проповѣди св. Димитрія, вотъ господствующій мотивъ, исходящій изъ интимныхъ глубинъ его душевныхъ переживаній, который звучитъ, какъ музыка, имѣя склонность къ постоянному оживленію. Уловить

¹⁾ Сочиненія Димитрія, т. 2, стр. 625—626.

этотъ мотивъ.—это и значить найти ключъ къ пониманію его проповѣди.

Понятно послѣ этого, съ какою особенной чуткостью онъ долженъ былъ относиться къ искаженію религіознаго смысла жизни своихъ пасомыхъ, какъ претила, какъ ненавистна ему была одна внѣшняя, бездушная, чисто механическая, обрядность, одна набожность безъ любви, безъ подвига, раздвоенность вѣры и жизни, молитвы и постушка, гдѣ литье колоколовъ, пожертвованія на храмъ, дорогіе иконостасы, „пудовыя“ свѣчи мирно уживались съ разбоемъ, татьбой, алчнымъ корыстолюбіемъ и жестокостью, какъ больно должны были отзываться въ его душѣ тѣ общественные недуги, которые, по его мнѣнію, наиболѣе свидѣтельствуютъ объ упадкѣ духа живаго и дѣятельнаго христіанскаго благочестія,—свидѣтельствуютъ о томъ, что Голговская жертва для громаднаго большинства осталась безмолвною и далекою. И вообще—то проповѣдникъ очень мрачно и печально смотритъ на современное ему состояніе общества. „О, окаянные времена наша, или паче рещи окаяніи нравы наши, послѣднія... лютыя... времена..., не отступитъ отъ истины, иже о людяхъ сего времени речеть: изомроша уже блазиа люди“ —такія и подобныя восклицанія очень часто раздаются въ его поученіяхъ¹⁾. Но если мы ближе присмотримся къ его обличеніемъ, то легче всего замѣтимъ, что они направлены главнымъ образомъ противъ тѣхъ грѣховъ и пороковъ, которыми „наиболѣе всего безчестится и изгоняется изъ насъ Сладчайшій Сынъ Божій“,—противъ мелочной бездушной обрядности, оцѣживающей комаровъ и поглощающей верблюдовъ, полового разврата, жестокосердія и немилосердія къ бѣднымъ и нисшимъ. Когда проповѣднику приходится говорить на послѣднюю тему о безсердечіи богатыхъ или о страданіяхъ бѣдныхъ, ему никогда почти не удается сохранить хладнокровіе и спокойствіе. Его охватываетъ святое негодованіе, и рѣчь его, обыкновенно благодушная, слегка приправленная

1) См. Сочиненія Димитрія, т. III, стр. 43, 552; II, 180, 635 и др.

малороссійскимъ юморомъ, закипаеть гнѣвомъ, превращается въ бурный потокъ. Онъ весь горить и властно бичуетъ черствое безсердечіе, привлекая къ дѣлу увѣщанія или обличенія все, что могли представить для этого его ясный, глубокой умъ, изумительное знаніе Библіи, богатая освѣдомленность въ житійномъ матеріалѣ и тонкая наблюдательность жизни. „Что наши пощенія, наши подвиги, что наши иждивенія на строеніе храмовъ Божіихъ,—говорить онъ въ одномъ поученіи,—постимся, а людей ядимъ, кая въ томъ правда? Подвигаемся на добродѣтель, а ближняго озлобляемъ, зиждемъ храмы Божіи, а чуждая грабимъ, прощаемся, а памятозлобствуемъ, глаголемъ, а лжемъ, льстимъ, а коварствуемъ, кая въ томъ правда? Не такъ Святыи Отцы и Праотцы совершали правду свою, не обрѣташеса въ нихъ ни слѣдъ неправды, вся ихъ бяху дѣла, и словеса и помышленія праведни, и тѣмъ своимъ праведничествомъ друзи Богу быти сподобишася“ ¹⁾). Сохрани Господи! Не созидають-ли храмовъ Господнихъ чуждыми кровавыми поты и горькими слезы, безчиннымъ хищеніемъ и неправеднымъ имѣніемъ, якоже сотвори во Египетской странѣ, во градѣ Каирѣ, Ассанъ Паша, мужъ лестнаго разума; сей умысли создати храмъ велій, яко нарицають Мосхею (мечеть), но безъ своего иждивенія, и, отсюда, сію изобрѣте хитрость: по всѣхъ повелѣ градъхъ разгласити, яко хоцетъ Богу велій храмъ создати; да благополучно-же и скоряе совершитъ, всѣмъ, отвсюду странствующимъ, богатую хоцетъ раздавати милостыню; время на сіе и мѣсто назнаменова. Вещь сія отвсюду безчисленный подвиже народъ. На пришествіе ихъ повелѣ Ассанъ всякому новую одежду готовить, и сихъ, иже имѣяху пріяти милостыню, изъ превеликія палаты въ другую, такожде превеликую, чрезъ многія сѣни и двери повелѣ пропускати. Въ семъ прехожденіи всякъ отъ своихъ одеждъ обнаженъ, и въ новыя облечень баше. Сіе-же сотвори того ради, да еже отъ толико тысящъ людей въ путь воспріято бысть, здѣ оставитъ; обычай

¹⁾ Сочиненія Димитрія, т. III, 30—31.

бо быше въ тѣхъ градѣхъ,—яже въ путь уготованы бяху .
 деньги, въ одежду ветху зашивати. Аще убо и никтоже
 хотяше своя раздранныя рубища оставити, обаче по нуждѣ
 всякъ новое воспріять одѣяніе. Велій плачь и стенаніе
 народа начася, ветхихъ паки просятъ одеждъ, новыя предъ
 нимъ повергающе; но онъ, поругавшися воплю народному,
 оныя раздранныя рубища во огонь воврещи повелѣ, и сребра
 толикое множество отъ огня воспріять, яко не токмо
 храмъ превеликій созда, но и самъ неизреченно обогатися.
 Не любитъ сицевыхъ храмоздателей Богъ, паче же хо-
 щеть, да всякъ съ Закхеемъ глаголетъ: Господи, и до поль-
 имѣнія моего даю нищимъ“ 1). „Храмы Божіи созидать, а
 ближняго въ конецъ раззорить, — то разбой, то не ми-
 лостыня; сицевые прочь отъ Царствія Небеснаго ижде-
 нутся“ 2). — Заявляя не разъ своимъ слушателямъ, что
 Господь „наипаче ярится на блудниковъ и мечь отмщенія
 нань готуеъ, ибо хотя и всѣ грѣхи непріятны Богу и
 на гнѣвное отмщеніе Его подвижутъ, но неравно, всякъ бо
 грѣхъ, его же аще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть,
 а блудяй согрѣшаеъ въ тѣло, которое нѣсть его, но Хри-
 стово, которое Христосъ честною Своею кровію искупи и
 храмъ Святому Духу быти устрои“ 3), св. Димитрій, чтобы
 чувствительнѣе затронуть христіанскую честь и достоин-
 ство своихъ слушателей, серьезно указываетъ (въ каче-
 ствѣ мотива, едва-ли догматически состоятельнаго), что
 даже самъ діаволь гнушается, „тѣлеснымъ безстудіемъ“. Опираясь
 на слова „хотя и западнаго, обаче полезнаго
 учителя“ 4) блаж. Августина: *daemones, videntes (turpitudinem) oculos claudunt* (смежаютъ очи), святитель Димитрій
 приводитъ и примѣры въ доказательство своего поло-
 женія, заимствуемыя имъ, по его словамъ, изъ церков-

1) Ibidem, стр. 552—553.

2) Ibidem, т. II, стр. 351. Сюда же можно отнести и прекрасныя
 заключительныя строки изъ трактата «о брадахъ»—см. Братское слово
 за 1895 г., т. 2, стр. 7

3) Сочиненія Димитрія, т. III, стр. 178, 201.

4) Ibidem, стр. 201.

ныхъ повѣствованій¹⁾. Одинъ черно книжникъ свойственными ему способами вызывалъ къ себѣ діавола. Послѣдній долго не являлся; но волхвъ настойчиво продолжалъ свои вызовы. Наконецъ, діаволь показался, но сталъ на почтительномъ разстояніи, зажавши ноздри. Когда волхвъ спросилъ, что за причина этого, діаволь отвѣчалъ: „смадръ твоего сластолюбія пренятствуетъ мнѣ подойти къ тебѣ ближе“. Другой примѣръ. Одна женщина призналась своему духовнику съ великимъ рыданіемъ, что „дѣюшу ей скверную плотскую нечистоту, услышася гласъ отъ діавола, аки-бы за стѣною стояща“, который началъ сильно кашлять и три раза съ сильнымъ ревомъ прокричалъ: фе, фе, фе! О окаянный блудникъ! восклицаетъ проповѣдникъ, яко не токмо Богъ и святіи ангели Его, но и самыи прескверніи бѣсы гнушаются нечистотою твоею и зряще ю, очеса смежаютъ и ноздри отъ смрада ея затыкають“²⁾. Обличая такъ рѣшительно половой развратъ и безстудіе, проповѣдникъ чаще всего, какъ я уже сказалъ, касается въ своихъ обличеніяхъ грубаго безсердечія богачей и неправильнаго употребленія богатства въ окружающемъ его обществѣ. Сюда по преимуществу направляется протестующая стихія его духа, сюда прежде всего спѣшитъ благостнѣйшій Архиастанъ, воспринявшій съ Голгоою завѣтъ милосердной любви, съ своимъ бичующимъ словомъ. Огонь религіознаго восхищенія предъ дѣлами Господа, предъ Его пожершеюся любовію, предъ Его осязательной близостью, равный пламени глубокаго утра христіанства, не давалъ ему успокоиться при видѣ полнаго равнодушія богачей къ жалкому положенію бѣдныхъ. Пыль роскоши и излишествъ заслѣпила глаза богатымъ, и кромѣ богатства и суетной пышности они ничего не видятъ кругомъ себя. На эти излишества св. Димитрій

¹⁾ Примѣры эти приводятся, между прочимъ, у польскаго проповѣдника Оома Млодзяновскаго; источниками указываются здѣсь школьный докторъ Голкотъ и Кантипратанъ. См. Труды Кіевской Дух. Акад. за 1870, III, стр. 225—226.

²⁾ Сочиненія св. Димитрія, т. III, стр. 207—208.

смотреть, какъ на пояданіе тяжкаго труда бѣдныхъ, какъ на изгнаніе отъ себя и обезчещеніе Христа, отождествившаго Себя съ нуждающимся. „Вся мысль богатыхъ, говоритъ онъ, еже ясти, пити, веселитися на лѣта многа. Егда же ястъ, убогихъ труды ястъ, а егда піетъ, кровь людскую піетъ, слезами людскими упивается, отъ того бо имѣнія ястъ и піетъ, которое изъ ногъ людскихъ правежами выломано“ 1)... „Смотри, какъ на пиру Иродовомъ ядятъ люди, а пьютъ кровь ихъ, да слезы... но и нынѣ во многихъ господахъ чуть не также поядаютъ и піютъ кровавыя труды человѣческіе, а бѣдныхъ крестьянъ своихъ немилосердно мучатъ. Господамъ до пресыщенія всего довольно есть, а крестьянамъ бѣднымъ и укруха худого хлѣба не стаеть. Сіи объедаются, а тіи алчутъ, сіи упиваются, а тіи развѣ водою жажду свою утоляютъ; сіи веселятся, а тіи плачутъ на правежахъ“ 2). Бѣднякъ вездѣ и всегда является существомъ пренебрегаемымъ. Во всякомъ обществѣ имущественно слабый наименѣе защищенъ отъ обидъ и насилій, наоборотъ, людская совѣсть слишкомъ терпима и легкомысленна по отношенію къ тѣмъ, за спиной которыхъ стоитъ щитъ въ видѣ денегъ. „Кто честенъ—богатый, кто безчестенъ—убогій. Кто благороденъ—богатый, кто худороденъ—убогій. Кто премудръ—богатый, кто глупъ—убогій“ 3)... Вынужденная грубость и неопрятность бѣдняковъ возбуждаетъ въ богатыхъ классахъ презрѣніе. То, чего мы никогда не позволили-бы себѣ по отношенію къ человѣку своего круга, на каждомъ шагу, не задумываясь, допускаемъ по отношенію къ бѣдному. Проповѣдникъ возстаетъ противъ такого пренебрежительнаго отношенія къ обездоленному, которое само собою превращается въ его внутреннюю подавленность. Онъ порицаетъ состоятельныхъ богачей за то, что они не хотятъ поддерживать жизненнаго общенія съ бѣдными и тѣмъ изгоняютъ отъ себя Христа, Который Самъ въ лицѣ нищихъ

1) Сочиненія Димитрія, т. II, 602.

2) Ibidem, стр. 488—489.

3) Ibidem, стр. 603.

стоитъ предъ ними, какъ-бы продолжая Свой искупительный подвигъ, давая возможность проявить челоуѣколюбіе и тѣмъ доставляя средства къ спасенію. „Рука нищаго—сокровище Христова“—часто раздается изъ устъ проповѣдника ¹⁾. „Много таковыхъ есть богатыхъ, говоритъ онъ въ проповѣди на недѣлю Заххей, кои, егда увидятъ въ домъ свой гостя какового либо честнаго входящаго, то тихими стопами избѣгаютъ изъ своего дома, аще-же видятъ убогаго, нужды ради свояго пришедшаго, то повелѣваютъ рабамъ своимъ: скажи—нѣтъ дома. Егда же и въ домъ свой пустятъ, то малое пріятство показываютъ, да скорѣйше отъ дому изыдутъ“ ²⁾.... „Тьму кромѣйшную воспріимутъ таковіи, иже не допускаютъ лица своего узрѣти... зиму лютую будутъ терпѣть челоуѣцы, которые не милостиви суть до убогихъ и не пріемлютъ въ дома свои странныхъ, и лежащихъ безъ покрова на гноищи, и терпящихъ снѣгъ и мразъ лютой... Вся та немилосердная и озлобительная дѣла, яже ближнему творили, не самому-ли еси Христу дѣлаши? Колико гналъ и обидѣлъ еси неповиннаго, толико погналъ и обидѣлъ еси Христа; елико досадилъ еси ближнему и обругалъ еси его,—толико досадилъ Христу и обругалъ Его... Тако Христа въ ближнемъ твоёмъ гониши, о челоуѣче!“ ³⁾ „Блажены быти мнятся богатіи въ жизни сей того ради, что надъ убогими людьми господствуютъ и тѣснятъ ихъ, насилуютъ, влскують на судища, хулятъ имя доброе, бьютъ безъ пощады, укоряютъ, досаждаютъ, словеса скаредными уничижающе, но... подождите мало, богатые, немилосердные, людей убогихъ обидители, дайте срокъ, пріидетъ на васъ часъ смертный, въ ту пору увидите, каково будетъ ваше блаженство и счастье“ ⁴⁾. Грозя богачамъ „лютой зимой“ и „тьмой кромѣйшной“, Святитель старается,—и въ этомъ едва ли не ярче всего обнаруживается его моральная чуткость, широкое сердце и горячая симпатія къ бѣднымъ — поднять ихъ духъ и самосо-

1) Сочиненія Димитрія, т. II, стр. 683.

2) Ibidem, стр. 679.

3) Ibidem, стр. 363.

4) Ibidem, стр. 601, 603.

знаніе, приободрить, утѣшить, вдохнуть въ нихъ нравственную енергію, освободить отъ внутренней приниженности. Пренебреженіе среды, въ которой живетъ чело-вѣкъ, неизбѣжно отражается и на внутреннемъ состояніи, на внутреннемъ самочувствіи чело-вѣка; онъ начи-наетъ смотрѣть на себя, какъ на существо, для котораго нѣтъ мѣста въ Божіемъ мірѣ; и предъ горечью и обидой такого сознанія блѣднѣютъ даже и сами по себѣ матери-альные лишенія, и самая нужда отходитъ на второй планъ. Этого не могъ не видѣть, не переживать горѣвшій любо-вью проповѣдникъ, и зотъ, чтобы умѣрить это мучитель-ное сознаніе, чтобы поднять самочувствіе бѣдняка, онъ старался бѣдность вынужденную обратить въ доброволь-ную, какъ бы въ свободно принятый и терпѣливо пере-носимый подвигъ, указывая въ этомъ добровольномъ тер-пѣніи вѣрное средство принять Христа въ сердце, устроить здѣсь скинію Божію, Христову обитель. „О чело-вѣцы, въ послѣднихъ бѣдахъ и скорбяхъ страждущія, въ васъ Хри-стосъ нынѣ, аки въ членахъ своихъ обитаетъ, аще токмо со благодареніемъ терпите. Вы есте новые послѣднихъ сихъ времянь мученики.... Любите Господь плачущія, а вы выну въ слезахъ... Любите Господь алчущія и жажду-щія, а у васъ ѣсть и пить мало чего, иному и половин-наго не стаеть хлѣба; любите страждущія безвинно, а въ васъ страданія того не исчислить, иные до крови біе-мы, иные на правежахъ мучими, и уже въ ипомъ едва душа въ тѣлѣ держится..... Не изнемогайте-же въ терпѣ-ніи, но благодарите Христа своего, а Онъ къ вамъ по воскресеніи Своемъ будетъ въ гости, не въ гости токмо, но и въ неразлучное съ вами пребываніе. Въ васъ Хри-стосъ есть и будетъ, а вы рцете: Аминь“ ¹⁾. Мы можемъ представить, какъ должна была дѣйствовать подобная рѣчь проповѣдника, который самъ подвигомъ добровольной бѣд-ности сдѣлалъ себя кровно роднымъ и близкимъ угнетен-нымъ и презираемымъ. Ихъ рабскій взоръ невольно оста-навливался на скорбномъ, измученномъ ликѣ Христа Спа-

¹⁾ Сочиненія Димитрія, т. II, 190—191.

сителя, скромнаго, незлобиваго, безропотно переносившаго терновый вѣнецъ тяжелыхъ страданій, ихъ слухъ невольно улавливалъ любовный, сердечный призывъ Спасителя: „прійдите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы“; имъ чувствовалось, что этотъ призывъ обращенъ былъ именно къ нимъ.... мысль начинала находить особенный нравственный смыслъ въ условіяхъ тяжелой доли, хотѣлось вѣрить, что злосчастіе не безсрочно, что это временное лишь испытаніе, что наступитъ минута, когда Правда осіяетъ ихъ наравнѣ съ другими алчущими и жаждущими.

Мы видимъ, что для святителя Димитрія вопросъ объ отношеніи богатыхъ и бѣдныхъ, при его настроеніи, бывшемъ слѣдствіемъ молитвенно-благодатнаго состоянія духа, былъ очень близкимъ, жгучимъ вопросомъ. Здѣсь онъ болѣе погружается въ бытовую сторону, чѣмъ при другихъ обличеніяхъ; типу богачей приданы индивидуальныя черты его времени. Но, съ другой стороны, нельзя не видѣть, что онъ рѣшаетъ вопросъ объ имущественныхъ отношеніяхъ не съ политической, соціально-экономической, а исключительно съ моральной точки зрѣнія. Его задача сдѣлать людей добрѣе и лучше. Его желаніе—пробудить въ совѣсти богачей тайное безпокойство, напомнить имъ, что они лишь хранители ввѣреннаго имъ богатства, встревожить ихъ мыслью объ отвѣтственности, налагаемой ихъ положеніемъ, смутить ихъ эгоизмъ, вызвавъ сознание чрезмѣрной неравномѣрности, отдѣляющей ихъ отъ другихъ людей, побудить—добровольно уменьшить это громадное разстояніе, поднять падшихъ, поддержать ихъ достоинство, видѣть въ нихъ своихъ братьевъ, а не рабовъ. Онъ никогда не превращался въ соціальнаго дѣятеля, твердо стоя на точкѣ зрѣнія внутренней высоты духовной жизни, къ которой онъ и хотѣлъ возвести свою паству. Такимъ-же теоретикомъ-моралистомъ онъ оставался, насколько, полагаю, можно было замѣтить, и вообще вездѣ въ своихъ поученіяхъ. За двумя-тремя исключеніями, у него нѣтъ собственно—догматическихъ поученій. Это зависѣло, впрочемъ, не отъ того, чтобы не было

нужды въ проповѣдываніи догматовъ вѣры, напротивъ, нужда эта была особенно ошутительна по собственному сознанию св. Архипастыря. Явившись въ распутицу, въ бездорожицу въ свой „жребій“—Ростовъ, который одинъ изъ его же учителей называетъ „лѣсомъ“, „имать-бо въ себѣ звѣроподобныхъ дикихъ“¹⁾, онъ и паству свою нашелъ въ крайне-печальномъ положеніи нравственнаго одичанія и невѣжества, и съ чувствомъ глубочайшаго сокрушенія говорилъ объ этомъ неоднократно какъ въ своихъ поученіяхъ, такъ и въ своихъ дневныхъ запискахъ, или „Діаріѣ“. Умственное и религіозно-нравственное состояніе Ростовской церкви, когда св. Димитрій сдѣлался ея пастыремъ, было дѣйствительно крайне печальное. Малограмотные, едва умѣвшіе „брести“ священники и діаконы иногда не имѣли понятія о самыхъ первоначальныхъ истинахъ вѣроученія и нравоученія христіанскаго, не понимали словъ „Тѣло Христово“, но знали только бывшій въ ходу для обозначенія святости грубый техническій терминъ „запасъ“, не оказывая послѣднему подобающаго благоговѣнія. Съ сердечною болью приводитъ св. Димитрій одинъ разговоръ свой съ приходскимъ священникомъ. „Однажды случилось мнѣ, говоритъ онъ, войти въ сельскую церковь. Егда спросихъ тамошняго попа, гдѣ суть животворящія Христовы тайны, попъ той не уразумѣ словесе моего и яко недомышляяй стояше молча. Паки рекъ: гдѣ тѣло Христово? попъ-же ни сего словеси познати можаше. Егда-же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ рече къ нему: гдѣ *запасъ*, тогда онъ, иземъ отъ угла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь велию святюю, на нюже ангели смотрять со страхомъ“²⁾. Въ другомъ случаѣ онъ говоритъ, что во время объѣзда ярославской епархіи между священниками ему приходилось встрѣчать такихъ, которые не только не знали, „что есть санъ священства, въ чемъ состоитъ должность священническая и духовниче-

1) Яросл. Еп. Вѣд. 1902, стр. 148.

2) Братское Слово за 1895 г., ч. II. стр. 500—501.

ская и како оную проходити надлежитъ“, но не знали даже общаго порядка библейской исторіи, думали, напр., что пророкъ Илія жилъ послѣ І. Христа, что Маккавеи жили послѣ апостоловъ, что тѣмъ ножемъ, которымъ ап. Петръ усѣкъ Малково ухо, пророкъ Илія впослѣдствіи перерѣзалъ жрецовъ Вааловыхъ и т. п. ¹⁾ При такомъ невѣжествѣ духовенство заражено было еще разными пороками: пьянство, сквернословіе (небылыя слова), буйство (даже въ алтарѣ) были обычнымъ явленіемъ. Невѣжество и нравственная распущенность имѣли послѣдствіемъ крайнюю лѣнь и нерадѣніе въ отиравленіи самыхъ прямыхъ священническихъ обязанностей. „Литургія служилась нѣкоторыми священниками безъ книги, Служебникъ нарицасмой, и безъ молитвъ, служенію подобающихъ, токмо едины возгласы глаголаніемъ“ ²⁾. Понятно, что о воспитательномъ воздѣйствіи такихъ священнослужителей не могло быть и рѣчи. Не имѣя умственной подготовки, преданное нерадѣнію и порокамъ, оно—духовенство—не было способно къ духовному руководительству паствы. Церковное учительство заглохло, замолкло, „сѣяніе пренебрежеса, оставися, и гладъ слышанія слова Божія вельми превозможе въ нашей епархіи“. „Отъ обою страну худо: іерси глупы, а людіе неразумны“ ³⁾. Паства погрязала въ нравственномъ огрубѣніи и невѣжествѣ; полному непониманію существенныхъ обязанностей христіанина соотвѣтствовало столь-же полное пренебреженіе къ ихъ исполненію. „Иные уже отъ десяти лѣтъ и болѣе, писалъ Димитрій въ 1706-мъ году, иные отъ двадцати лѣтъ не причащаются, а иные во всю свою жизнь не знаютъ, что тó есть причаститися божественныхъ таинъ, развѣ когда только младенецъ былъ крещенъ, тогда и причащенъ, чего онъ не помнитъ“ ⁴⁾. Даже священническія дѣти и священническія жены и тѣ нерѣдко сознава-

¹⁾ Странникъ за 1896, т. II, стр. 508.

²⁾ Братское Слово, 1895, ч. II, стр. 502.

³⁾ Сочиненія Димитрія, т. II, стр. 592.

⁴⁾ Ibidem, стр. 93.

лись „на духу“, что не помнить, когда причащались. Естественно, отсюда, что нравственные узы, связывавшія пастыря съ паствою, ослаблены были до самой послѣдней степени; авторитетъ духовенства палъ ¹⁾; пропаганда раскола не встрѣчала почти никакого противодѣйствія; не имѣя надлежащихъ представленій о православіи, видя въ расколоучителяхъ людей сколько-нибудь книжныхъ, не имѣя привязанности къ собственнымъ пастырямъ, православные свободно слѣдовали за расколоучителями, ища у нихъ того, чего не давали свои „учители“. Расколъ развѣтвился на нѣсколько сектъ, толковъ и согласій: „что ни мужикъ, то вѣра, что ни баба, то толкъ“. Къ умноженію беззаконія, стали распространяться западныя вѣнія рационалистическаго характера. Многіе даже изъ раскольниковъ вооружались уже не противъ новыхъ книгъ, иконъ, четвероконечнаго креста, тройной аллилуи, но, вообще, противъ иконъ, креста, мощей и всякой святыни. Мужики и бабы начали открыто проповѣдывать, что не только не слѣдуетъ ходить въ церковь православную, но что, вообще, не слѣдуетъ поклоняться иконамъ, такъ какъ Богъ требуетъ одного поклоненія *духамъ и истинно*, но и на этомъ даже не останавливались, утверждая, что вся „евангельская исторія есть притча и иносказаніе“ ²⁾.

Все это тяжелымъ гнетомъ ложилося на душу Святителя, все это побуждало обратить особенное вниманіе на просвѣщеніе паствы свѣтомъ Евангельскаго ученія, и онъ не уклонился отъ своего долга. Но однихъ бесѣдъ съ церковной каедрой было-бы въ этомъ случаѣ далеко недостаточно, во-первыхъ, потому, что „устная бесѣда близъ токмо слышится, а яже писанію предаются, то и въ концы вселенныя происходитъ“ ³⁾, во-вторыхъ, потому, что не доставало бы и времени на подобныя поученія въ церкви, наконецъ, самое дѣло—„размѣры зла“—требовали болѣе прочнаго и полнаго вразумленія, чѣмъ сколько можно

1) Братское Слово 1895, ч. II, стр. 503.

2) Прав. Обзор. 1888, т. II, 127—128.

3) Ibidem, стр. 128.

было ожидать этого отъ однихъ бесѣдъ въ храмѣ, — „устно реченное слово скоро отъ памяти человѣческой отъемлется, написанное-же незабвенно пребываетъ“. Поэтому св. Димитрій употребилъ сильнѣйшія средства для своей цѣли: писалъ увѣщательныя посланія, завелъ училище, составлялъ и разсылалъ по снархїи популярныя трактаты догматическаго характера, чѣмъ собственно и вознаграждался недостатокъ у него специально-догматическихъ поученій.

Для полноты очерка содержанія проповѣди Димитрія остается, хотя кратко, отмѣтить, опредѣлить отношеніе св. Димитрія къ Петровской реформѣ и личнымъ качествамъ и намѣреніямъ Державнаго Пресобразователя. Петръ I высоко ставилъ значеніе проповѣди, какъ орудія государственныхъ цѣлей. Необходимость считаться съ противоположительственными заявленіями, считаться не только физической силой, чрезъ Преображенскій Приказъ, но и силою нравственною, путемъ публичнаго слова, заставила Петра обратить серьезное вниманіе на разъясненіе сущности и мотивовъ тѣхъ дѣйствій правительства, которыя тяжело ложились на народъ, не понимавшій ихъ непосредственной пользы и потому относившійся къ нимъ недоувѣрчиво, иногда враждебно. Общественное мнѣніе высказывалось въ большинствѣ случаевъ отрицательно, и, при отсутствіи гласности, при отсутствіи чего-нибудь, похожаго на публицистику въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимается въ наше время, могло высказываться только въ формѣ подметныхъ писемъ и тетрадей, переходившихъ изъ рукъ въ руки. Чувствовалась, поэтому, необходимость создать ему противовѣсъ, выставить, въ противоположность мнѣнію толпы, мнѣніе обще-авторитетное, такъ какъ простое „загражденіе усть“ не всегда достигало цѣли. Для противодѣйствія публицистикѣ народной массы, для разъясненія и оправданія новыхъ порядковъ, при отсутствіи періодической печати, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ было публичное обсужденіе общественныхъ и государственныхъ вопросовъ въ видѣ проповѣди съ церковной кафедрой. Разъясненіе мотивовъ и послѣд-

ствій того, что предпринимало правительство, разъясненіе, исходящее отъ лицъ авторитетныхъ, „учительныхъ“, отъ представителей духовенства, имѣвшаго въ русской жизни такое важное значеніе, представлялось въ глазахъ Петра чрезвычайно серьезнымъ и дѣйствительнымъ орудіемъ реформы. Для его цѣлей могли быть одинаково полезны какъ панегирическія, такъ и обличительныя слова; послѣднія постольку, поскольку они могли и должны были обрушиваться на то, что служило тормазомъ, противо-дѣйствіемъ задуманнымъ преобразованіямъ, что препятствовало успѣхамъ реформы (невѣжество, суевѣріе, научная косность, отвращеніе отъ иноземцевъ и т. п.). Что-же? соотвѣтствовали ли этимъ надеждамъ Петра, этому *raison d'être* проповѣди, обращавшему каѳедру въ политическую трибуну, поученія Ростовскаго іерарха? Разумѣется, его нельзя считать безусловнымъ врагомъ реформы; какъ человѣкъ культурный и образованный, лично близкій Царю-Преобразователю, онъ не могъ не питать сочувствія къ стремленіямъ Петра распространить знаніе и поднять матеріальную культуру Россіи. Во многихъ случаяхъ и отношеніяхъ онъ вполне искренно желалъ успѣха его трудамъ и начинаніямъ и, между прочимъ, сочувствовалъ умственному общенію съ заграницею, которое способно расширить умственный горизонтъ и дать богатый матеріалъ для сравненія. „О духовніи столпове, Петръ и Павелъ! нашему великому Государю, противу супостатовъ ратующему, и полкомъ его предъдите, побѣду и одолѣніе устройте, смятите супостатовъ полки, яко фараоновы колесницы въ морѣ, да вашею помощію стерше врагомъ главы, побѣдную пѣснь воспоемъ Богу нашему ¹⁾. Молимъ убо о благочестивѣйшемъ Государѣ нашемъ, да подастся ему свыше помощь и сила звѣрское шатаніе Льва шведскаго оружіемъ своимъ укротити и обуздати“. — „Хвалю добрый той нынѣшнихъ временъ обычай, говоритъ онъ въ субботу 4-ой недѣли Великаго поста въ 1702-мъ году, что многіе люди въ иные государства ходятъ ученія ради, изъ-за мо-

рей бо умудреніи возвращаются. Слышахъ, яко нѣци отъ премудрыхъ память смертную особою философією, особымъ любомудріємъ нарешкоша. Аще-же память смертная есть философією, убо тоя мудрости учитися не довлѣтъ сидя въ дому, но и въ чужихъ странахъ побывати требѣ¹⁾. Но въ виду того, что Димитрій подходилъ къ реформѣ не съ точки зрѣнія узко-утилитарныхъ или внѣшне-государственныхъ соображеній и интересовъ, отодвигавшихъ церковно-религіозную сторону жизни на задній планъ, а судилъ обо всемъ мѣриломъ высшаго нравственнаго критерія, съ точки зрѣнія преобладавшаго духовнаго настроенія русскаго человѣка, его основныхъ руководящихъ вѣрованій и чувствованій, связь съ которыми для страстнаго, порывистаго, упрямаго въ преслѣдованіи разъ намѣченныхъ цѣлей Петра не представляла, повидимому, большаго значенія,—въ его литературно-общественной дѣятельности оказывалось больше элементовъ расхожденія съ духомъ реформы Петра и личными взглядами Государя, чѣмъ совпаденія и гармоніи. И потому выходило такъ, что въ своихъ поученіяхъ онъ чаще и больше шелъ въ разрѣзъ, наперекоръ реформѣ, дѣйствовалъ во вредъ ей, чѣмъ въ ея пользу. Его обличенія падали какъ разъ на то, что стояло въ связи съ реформою и являлось естественнымъ послѣдствіемъ ея крайностей и увлеченій. Проповѣди его обличали не столько невѣжество, суевѣрія, сколько, напр., религіозно-церковное вольнодумство, несоблюденіе постовъ, пиры, танцы и многоразличную поблажку чувственности. О начинавшемся распространеніи протестантскаго рачіонализма мы уже замѣчали; постараемся сгруппировать, въ чемъ еще выразилось отрицательное отношеніе св. Димитрія, какъ проповѣдника, къ тѣмъ или другимъ сторонамъ реформаціонной дѣятельности Державнаго Преобразователя. Болѣе или менѣе прямо относятся къ Петру проповѣди, обличающія личные недостатки Петра, какъ царя и человѣка: „гнѣвную ярость“, „стремительность въ осужденіи“, небреженіе о благолѣпнн „дома Бо-

1) Ibidem, т. II, стр. 67.

жїя“, любострастіе, нежеланіе усмирить свою похоть ¹⁾ и нескрываеомос распутство, бравируя которымъ онъ какъ-бы намѣренно разсѣваль тотъ ореоль, которымъ народъ привыкъ окружать своего государя. Въ идеаль царя святитель Димитрій желалъ бы видѣть милосердіе, какъ лучшее украшеніе царскаго званія, и памятованіе, что онъ не земной богъ, а такой же подверженный немощамъ чловѣкъ, какъ и другіе. „Чловѣка ты памятствуй быти, о царю, а не Бога, общее рожденіе со всѣми чловѣки имуща, а не особое каковое, таяжде чловѣческія плоти суща, а не инья. Ибо плоть твоя не отъ сребра, не отъ злата, не отъ бисера драгоцѣннаго есть, но такожде отъ блата, отъ гноя, тли и смрада... не дуйся гордынею. Смертна ты быти памятствуй, о царю, а не во вѣки живуща, днесь вси тебѣ предстоятъ, а утро самъ единъ останешься въ нѣдрахъ земли, днесь всѣмъ страшень, а утро мертва ты кто убоится, днесь неприступень еси, развѣ кто отъ вельможъ приступитъ къ тебѣ, а утро лежащъ во гробѣ ногами всѣхъ попираемъ будещи“ ²⁾... Другія проповѣди несомнѣнно имѣютъ въ виду вводимыя Петромъ обычаи и распоряженія, напр., указъ о разрѣшеніи поста въ войскахъ. Петръ, какъ извѣстно, не только самъ не любилъ поститься („батюшка мой потому любитъ Александро-Невскаго архимандрита, говорилъ царевичъ Алексѣй, что тотъ разрѣшаетъ ему на вся“), но считалъ постъ вреднымъ и для солдатъ, и внослѣдствіи въ 1716-мъ году выпросилъ для себя и для войска разрѣшеніе на мясо во всѣ посты, кромѣ недѣли предъ причащеніемъ, у Константинопольскаго патріарха Іереміи III. На вопросъ о постѣ св. Димитрій, конечно, смотрѣлъ, иначе. Въ проповѣди, сказанной 29-го авг. 1708 года въ Московскомъ Дѣвичьемъ Ивановскомъ монастырѣ, въ присутствіи царевны Марьи Алексѣевны, а, можетъ быть, и царевича Алексія Петровича, представленъ проповѣдникомъ пиръ Ирода. На пер-

¹⁾ Проповѣдь 26-го августа 1707 г. въ Покровскомъ монастырѣ—намекъ на отношенія Петра къ царицѣ Евдокіи Лопухиной.

²⁾ Сочиненія Димитрія, т. II, стр. 68.

выхъ мѣстахъ сидятъ три лица: Венусъ (Венера), Бахусъ и Арей (Марсъ),—по словесности,—прелюбодѣйство, піанство и безчеловѣчіе, или человѣкоубійство. „Венусъ царствовать обыче, она обладаетъ (по Діогену) и самими царями“. „Наложница Ашаминь съ царя Дарія на себя діадему возлагаетъ и по ланитамъ бьетъ царя; она смѣется и онъ весель, она разгнѣвается, онъ утѣшаетъ ю“. Возлѣ Венеры—Бахусъ. „Не токмо эллиномъ, но, яко же вижду, и нашимъ, глаголющимся быти православнымъ христіанамъ, той божишко не нелюбъ, понравился, гораздо-бо чревнаго угодія яшася, подражающе ученику Бахусову—Лютеру“. „Не соблюдать постовъ—то не грѣхъ, день и ночь пнѣнствовать—то людскость, пребывать въ гуляніи — то дружба, а чтó по смерти одушѣ сказуютъ, куда ей идти,—баспъ-то“. „Речеть Бахусъ, чревоугодный богъ, съ ученикомъ своимъ Маргиномъ Лютеромъ: надобно въ полкахъ не смотрѣти поста, и въ постъ ясти мясо, чтобы полковые люди въ воинствѣ были сильны, въ бою крѣпки, не ослабѣли-бы въ брани отъ поста и воздержанія. Но Гедеоново воинство и постясь побѣдило мадіанитянъ. Здѣ постыдися, Бахусе съ Лютеромъ, глаголай ослабѣвати воиномъ въ полцѣхъ воздержанія ради отъ мясоестія. Лжеши убо... и чуждъ еси пира Христова* 1). Зазорное поведеніе нѣкоторыхъ монаховъ, ссоры и жалобы изъ за вотчинъ, а главное—желаніе воспользоваться, при тѣхъ огромныхъ расходахъ, какіе требовались новыми порядками, войною, заведеніемъ войска и флота, церковными и монастырскими доходами на государственныя потребности заставили Петра передать управленіе церковными имѣніями въ руки особаго Приказа, состоявшаго изъ свѣтскихъ чиновниковъ, секуляризировать въ пользу государства нѣкоторыя статьи дохода и поставить монаховъ въ новыя экономическія и соціальныя условія, при которыхъ, по его мнѣнію, они менѣе высматривали-бы „тунеядцами“, избылыми въ отношеніи государственной службѣ. Послѣ

1) Шляцкинъ, *op. cit.*, стр. 394—395; ср. Сочиненія Димитрія, т. II, стр. 478.

1700-го года казна объявила своими оброчными статьями пчельники, рыбныя ловли, соляныя варницы, мельницы и даже бани; духовенство должно было платить оброкъ съ этихъ статей, заурядъ съ другими; монахамъ и монахинямъ полагались опредѣленные оклады денегъ и хлѣба въ общежительство и т. д. Эти ограниченія правъ и преимуществъ духовнаго сословія не могли, конечно, не вызвать на первыхъ порахъ сильнаго ропота въ средѣ начальнаго (т. е. высшаго) духовенства. Стали говорить, что, вотъ, царь уже и на Бога наступилъ: съ церковей колокола снимаетъ... „Теперь и до нашей братіи дошло“,—заявляли попы,—начали брать у насъ съ бань, съ пчель, съ избъ; „этого наши прадѣды и отцы не знали и не слыхали, никакъ въ нашемъ царствѣ и государя нѣтъ“. Митр. Нижегородскій Исаія видѣлъ въ Шведской войнѣ наказаніе Божіе за новыя порядки, откровенно и рѣзко возставалъ противъ Приказа ¹⁾). Не сочувствовалъ подобнымъ мѣропріятіямъ и митр. Дмитрій. Письма его къ близкимъ людямъ, напр. Θεологу, Стефану Яворскому, полны изображеніями тяжелаго душевнаго состоянія, вызываемаго суровыми мѣрами Петра по отношенію къ прерогативамъ церкви и духовнаго чина. Въ 1707-мъ году онъ жалуется, что времена нынѣшнія не додають фантазіи и охоты до книгописанія. *Silent musae inter arma*. Въ другомъ письмѣ слѣдующаго года онъ говоритъ: „извнѣ брань, внутри страхи: толико беззаконій, толико обидъ, толико *oppressiones* вопіють на небо и возбуждають гнѣвъ и отмщеніе Божіе“ ²⁾). Съ бѣльшей осторожностью, но не менѣе опредѣленно высказывается Дмитрій и въ поученіяхъ. Онъ не раздѣляетъ здѣсь прежде всего взглядъ на монаховъ, какъ на „тунеядцевъ“. Русскій народъ всегда съ особеннымъ уваженіемъ относился къ монастырямъ. Въ иноческихъ обителяхъ онъ искалъ воплощеніе своего идеала „святой“ Руси; онъ слабо иногда помнилъ своихъ политическихъ, военныхъ и даже церковныхъ дѣятелей, но ни на одно мгновеніе не забывалъ

¹⁾ Журн. М. Н. Просвѣщ., ч. 208, стр. 79.

²⁾ Пыпинъ. Исторія русской литературы, т. II, стр. 413.

именъ препод. Антонія и Θεодосія Печерскихъ, Сергія Радонежскаго, Савватія, Германа и Зосимы и цѣлаго сонма другихъ подвижниковъ, въ духовномъ общеніи съ которыми находилъ свою отраду, часто единственное утѣшеніе въ горькія минуты своей многострадальной жизни. „Иноческими молитвами содержитъ Господь міръ сей; аще и малы мнятся кому быти иноческія молитвы, обаче весь міръ укрѣпляютъ. Смотри, чимъ состоится, на чемъ содержитсяъ лоза виноградная? На единомъ колѣ сухомъ и безплодномъ. Отыми колѣ... лоза на землю падеть и не плодствуетъ. Отыми отъ міра христіанскаго чинъ иноческій, яко отъ винограда сухой и неплодный колѣ, что міръ будетъ—сами судите“ ¹⁾. По поводу учрежденія монастырскаго Приказа Димитрій допускаетъ въ одной изъ проповѣдей такую фразу: „хощеши ли грабити перковная, спросися Иліодора, казначея царя Селевка, иже пришелъ бѣ въ Іерусалимъ грабити церковь и біемъ бысть ангельскими руками“ ²⁾. Расходился св. Димитрій съ Петромъ Великимъ и въ своихъ взглядахъ на нищихъ. Петръ считалъ нищихъ тунеядцами и не разъ издавалъ указы (напр., въ декабрѣ 1705 года), въ которыхъ приказывалъ „нищихъ, которые являются на Москвѣ и ходятъ по рядамъ и по улицамъ и сидятъ по перекресткамъ, просятъ милостыню—пришлые изъ городовъ и изъ богадѣленъ, ловить и деньги, сколько у нихъ сыщется, брать поимщикамъ себѣ, а ихъ приводить въ Монастырскій Приказъ и чинить имъ наказаніе;—и всякаго чина людямъ заказывать, чтобы тѣмъ бродящимъ нищимъ милостыню никто не давалъ, а кто не послушается и будетъ подавать милостыню бродящимъ, тѣхъ хватать, приводить въ Приказъ и брать пеню по указу“ ³⁾. Святитель не отрицалъ, конечно, что и бѣдное, нищее населеніе, холодное и голодное, не чуждо было своихъ пороковъ: лести, притворства, намѣреннаго

1) Сочиненія Димитрія, т. II, стр. 412—413.

2) Ibidem, т. II, стр. 72.

3) Исторія Россіи С. Соловьева, т. XVI, стр. 16.

уродства, обмана ¹⁾), однако, въ духѣ исконныхъ русскихъ воззрѣній,—считалъ милостыню одною изъ высшихъ формъ добродѣтели и не могъ одобрить огульнаго запрещенія протягивать нищему руку помощи. „Помысли человѣче, коль краты озлоблять еси ближняго твоего. Не токмо самъ милостыни не подасши, но и прочимъ велиши съ запрещеніемъ, да не подають. Не токмо самъ не милосердъ еси, но и прочія на немилосердіе возставляеши. Вся та немилосердная и озлобительная дѣла, яже нищему твориши, не самому-ли Христу твориши?“ ²⁾)... Стремясь къ развитію русской общественности и гражданственности, Петръ Великій не могъ любовно относиться къ замкнутымъ высокимъ теремамъ и ему сильно хотѣлось разбить ихъ крѣпкія ворота и зубчатые заборы своей тяжелой дубинкой.... Петръ завелъ ассамблеи, куда обязательно приглашались для танцевъ и женщины... Святитель Димитрій и въ этомъ случаѣ стоялъ за прочность стараго семейно-патріархальнаго строя жизни. Въ одной проповѣди онъ говоритъ: „адскую муку будутъ имѣть человѣцы, пребывающіе выну въ веселіяхъ съ музыкой и пляшуще съ танцеваніемъ“ ³⁾. Но довольно примѣровъ. И здѣсь, такимъ образомъ, въ своемъ отношеніи къ реформаціоннымъ явленіямъ, святитель Димитрій выступаетъ не политическимъ борцомъ или присяжнымъ панегиристомъ, а все тѣмъ же православнымъ архіереемъ, морализующимъ дѣятелемъ. Занятый высшими интересами пастырства, смотря на себя, какъ на руководителя грѣчной совѣсти къ вѣчнымъ неумирающимъ цѣлямъ жизни, онъ улавливалъ вездѣ общій духъ совершающихся событій, непосредственно обращался къ общему изъ нихъ выводу и судилъ объ явленіяхъ съ точки зрѣнія высшаго нравственнаго критерія, въ самыхъ основныхъ его идеяхъ—любви къ Богу и ближнему.

1) Сочиненія св. Димитрія, т. II, 609, 686.

2) Ibidem, стр. 363.

3) Руководство для сельскихъ пастырей, 1870, т. III, стр. 216.

Мы познакомились съ содержаніемъ проповѣди св. Димитрія, Ростовскаго Чудотворца, — нашли главный нервъ ея, установили ея главныя темы. О чемъ-же говоритъ она намъ теперь черезъ 200 лѣтъ, что открывается въ ней такого, что должно сохранить непреходящее, непремѣняемое значеніе для настоящаго времени, для современнаго служителя христіанской каѳедры, и, вообще, въ идеальномъ образѣ христіанскаго проповѣдника?—Не говоритъ ли она прежде всего о томъ, что всеобъемлющій біологическій принципъ: *omne vivum e vivo*—жизнь рождается только отъ жизни—имѣетъ приложеніе и въ области проповѣди, что жизненность не въ смыслѣ только приближенности темъ къ текущимъ вопросамъ времени, а въ смыслѣ внутренне-живаго отношенія самого проповѣдника къ проповѣдуемой истинѣ, есть первая, самая общая и доминирующая черта христіанской проповѣди? Не подчеркиваетъ-ли она, другими словами, идею связи личнаго религіозно-аскетическаго подвига съ пастырско-проповѣдническимъ служеніемъ, не убѣждаетъ ли лишній разъ въ томъ, что послѣдняя можетъ быть богата результатами только въ томъ случаѣ, если самъ проповѣдникъ полонъ жизненной инициативы добра, а не теоретически только настроенъ въ тонъ идеальныхъ завѣтовъ Христа. Слова и бесѣды Димитрія органически связаны съ его личной жизнью. Онъ самъ жилъ тѣмъ, къ чему призывалъ другихъ. Его проповѣди—часть его жизни, часть его сердца. Онъ говоритъ только то, о чемъ постоянно думаетъ. Его мысль постоянно витала у Креста и Голгофы, размышляла только о Божьемъ и въ другихъ возбуждала только религіозную мысль и любовь. Такая мысль—настроеніе, если-бы оно передано было даже не художникомъ и мастеромъ слова, не красочной кистью, не могло не плѣнять своимъ постоянствомъ, своимъ напряженіемъ, своею чистотой и искренностью. Его сердце повсюду ощущало присутствіе Бога, жизнерадостно билось до послѣдняго вздоха, какъ бы предъ очами Всевидящаго Создателя. Позади явленій личной и общественной жизни онъ видѣлъ Распятаго Владыку и Господа; его сердце было необыкновенно чутко

къ искаженіямъ религіознаго смысла жизни,—и этотъ религіозный смыслъ бытія и жизни онъ ревниво отстаивалъ въ своихъ поученіяхъ. Сколько разъ спокойное изложене проповѣди, какъ-бы не выдерживая напора благочестиваго чувства, разрѣшалось молитвенными восторгами и изливалось въ лирическихъ отступленіяхъ. „О сладосте, превыше всѣхъ сладостей, Иисусе! О любви, всякое желаніе побѣждающая, о пребезсмертное наше насыщеніе и вѣчное наше наслажденіе, Иисусе! Кій языкъ исповѣсть сладость Твою!, кій умъ постигнетъ дѣйствуемое тобою въ любящихъ Тя сердцахъ услажденіе!... Да стекутся здѣсь враговъ моихъ руцѣ, да соберутъ отъ всѣхъ четырехъ концевъ вселенныя каменіе, да ниспустятъ на меня, аки дождь, и градъ, и тучу, каменное метаніе,—и о всемъ томъ небрегль быхъ, точію да узрю свѣтлое лице Твое, Свѣте мой Иисусе!“¹⁾—Такое благодатное состояніе духа Димитрія, безъ сомнѣнія, было главнымъ началомъ его сердечнаго участія въ судьбѣ ближняго, и той теплоты душевнаго чувства, каковой дышутъ большинство его поученій. Могло ли такое сердце, всецѣло живущее въ Богѣ и такъ ревнивое къ Божьему дѣлу, забыть о людяхъ съ ихъ наличнымъ горемъ и радостью, съ ихъ добромъ и зломъ, съ ихъ паденіями и возстаніями?! Естественно, что проповѣдь его не упускала изъ виду современныхъ событій и нравовъ, была приближена къ жизни. Правда, черты современности у него выступаютъ далеко не такъ рѣзко, какъ, напр., у „оратора всѣхъ вѣковъ“—Златоуста, по бесѣдамъ котораго находили возможнымъ, безъ всякаго насилія и игнорированія научныхъ требованій, излагать исторію нравовъ его времени (такая задача была дана, напр., проф. Пюшъ Академіей нравственныхъ и соціальныхъ наукъ въ Парижѣ)²⁾. Въ этомъ отношеніи церковное краснорѣчіе Святителя Димитрія стоитъ значительно ниже проповѣдей Златоуста. Но для насъ поучительна здѣсь другая сторона, для насъ важно, что онъ никогда не принижалъ церков-

¹⁾ Сочиненія Димитрія, т. II, стр. 547.

²⁾ „Христіанинъ“ за 1907 г., іюнь—іюль, стр. 320.

ную проповѣдь до раболѣпнаго слѣдованія за современностью, а всегда оставался ея руководителемъ. Вѣрный христіанскому идеалу жизни, онъ улучшалъ жизнь, измѣняя нравственныя отношенія между людьми и совершенно не разбираясь въ данномъ соотношеніи соціальныхъ силъ, о чемъ, можетъ быть, излишне хлопочуть современные реформаторы. — Святитель Димитрій противопоставлялъ мертвую, бездушную внѣшнюю набожность подвигу нелицемѣрной и дѣятельной христіанской любви, хотѣлъ разрушить двойственность вѣры и жизни, — разрушить стѣну, стоявшую между такою религіозностью и основными принципами практической дѣятельности, внѣшнее благолѣпіе при внутренней мерзости. Кто будетъ спорить, что эта, можно сказать, всегдашняя наклонность человѣка замѣнить дѣйствительную религіозную жизнь — жизнь духа, истинный подвигъ — символомъ, обрядовой внѣшностью, теоретическимъ вѣроисповѣданіемъ является наиболѣе насущной темой и для настоящаго времени? Не приходится-ли теперь съ душевною болью дѣлать сопоставленіе между преизбыткомъ человѣческой энергіи въ служеніи мамонѣ, съ одной стороны, и какою-то вялостью и равнодушіемъ въ служеніи Христу съ другой стороны. „Уже много разъ, говоритъ одинъ изъ современныхъ духовныхъ писателей, дѣлалось указаніе на то, что даже въ тѣхъ сферахъ, которыя не порвали окончательно связи съ церковью, христіанство получило характеръ только праздничнаго богочтенія. Только въ воскресный день мы вспоминаемъ о своихъ религіозныхъ обязанностяхъ, да и то на короткіе часы богослуженія, а остальное время безраздѣльно уходитъ на обычныя житейскія хлопоты. Храмъ Божій сдѣлался для насъ, по выраженію Самарина, чѣмъ-то въ родѣ старой и скучной родственницы, не посѣтить которую, хотя-бы въ праздникъ, какъ-то неловко и неудобно, авось она и пригодится хотя-бы тѣмъ, что вспомнить тебя въ своемъ завѣщаніи“. „Какъ къ старой родственницѣ, мы являемся съ мимолетнымъ визитомъ и въ храмъ Божій, являемся только изрѣдка, по праздничнымъ днямъ, а на будни гасимъ свой христіанскій свѣ-

тильникъ и живемъ чисто языческой жизнью“ ¹⁾. „Надо сознаться, говоритъ другой современный авторъ, что мы живемъ въ эпоху совершеннѣйшаго разлада между жизнью и религіей. Привычныя формы набожности не захватываютъ больше всего нашего существа. Наше отношеніе къ религіи совершенно аналогично отношенію заказчиковъ къ своему портному. Чтобы не порывать окончательно связи съ церковью, — для этого за насъ должны все дѣлать оффиціальныя представители религіи. Созиданіе тѣла Христова для насъ совершенно почти чуждо. Мы нашли себѣ новыхъ боговъ и только по инерціи иногда повторяемъ слова старыхъ молитвъ. Наша религіозность отличается вялостью, нерѣшительностью. Мы не живемъ религіей, не горимъ ею, мы дѣлаемъ все безъ искры воодушевленія, а какъ-бы изъ повиновенію закону... Богу мы удѣляемъ въ своемъ распisanіи лишь столько времени, сколько не помѣшаетъ нашей ежедневной суетѣ. Религія сознается нами, какъ обязанность, поддерживаемая привычкой. Исправно выполняется нами только та часть религіи, которая требуетъ отъ насъ наименьшихъ затратъ. Однако, и выполняя эти обязанности, мы всегда оглядываемся назадъ, какъ бы не сдѣлать больше того, чѣмъ сколько требуется культомъ. Какъ древніе фарисеи, мы замѣнили животворящій духъ любви буквой знанія догматовъ и соблюденія внѣшняго ритуала. Подобно древнимъ саддукеямъ, не видѣвшимъ въ жизни ничего дальше здѣшней временной жизни, мы превратили религію въ политическое средство. Мы не себя отдаемъ на дѣло Божіе, а кошунственно заставляемъ Самого Бога Живого служить на пользу нашихъ житейскихъ комбинацій“ ²⁾. Истинный ликъ Христа извращенъ, приниженъ, уменьшенъ. Въ немъ уже не видятъ многіе Бога—Спасителя, воплотившуюся Божественную Премудрость, понесшую на Себѣ всѣ грѣхи міра, а только лучшаго и великаго человѣка. Каждое поколѣніе, каждая партія, сообразно

1) Извѣстія по Каз. Епархіи за 1909, № 39, стр. 1102.

2) „Христіанинъ“ за 1909, январь, стр. 93, 96—97.

своимъ вкусамъ и увлеченіямъ, навязываетъ Ему свой языкъ, свои чувства, свои стремленія. Его Евангеліе стремятся свести къ размѣрамъ естественнаго факта, видя въ немъ лишь наиболѣе возвышенное выраженіе стремленій набожной души того времени. Изъ Его ученія берутъ только то, что кому нравится, а всѣ завѣты о необходимости нести на себѣ крестъ Его, о самоотреченіи, о полной готовности къ страданіямъ объявляютъ „рабской постыдной моралью“, сами того не замѣчая, конечно, что дѣлаются ежедневно рабами своихъ страстей, сгорая въ огнѣ своей сатанинской гордости. И эти ярые враги креста Христова появились и появляются среди христіанъ, а не приходятъ инудѣ. Правда, по милости Божіей, такихъ явныхъ враговъ немного. По крайней мѣрѣ, мы съ вами какъ будто не принадлежимъ къ нимъ.... Мы вѣруемъ во Христа, какъ Богочеловѣка, спасаго насъ силою Своихъ крестныхъ страданій, поклоняемся страстямъ Его.... словословимъ Его долготерпѣніе. Страницы Евангелія, повѣствующія о Его страданіяхъ... вызываютъ въ насъ чувства умиленія, а иногда даже слезы.... Крестъ Христовъ мы считаемъ святынею... полагаемъ знаменіе его на себѣ, носимъ изображеніе его на груди. Все такъ.. Но *дѣйствительно*-ли и мы читатели Креста, *дѣйствительно*-ли и мы въ числѣ друзей Распятаго Господа? ¹⁾ Мы не омочили своихъ рукъ въ неповинной крови Его—и въ этомъ смыслѣ мы не Ироды и не Пилаты, не становимся-ли и мы легкомысленно часто подъ первый выброшенный флагъ полуневѣрія, отрицанія, не молчимъ-ли позорно тамъ, гдѣ, словно труба, долженъ бы звучать нашъ убѣжденный голосъ, и опасливо отступаемъ на заднія позиціи тамъ, гдѣ должны бы грудью стоять въ защиту попираемой правды Христовой,—не смущаясь нисколько тѣмъ, что наши уютные углы освѣщены лампадой предъ окровавленнымъ образомъ Того, Кто, одинокій, вошелъ на крестъ насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія. Намъ тепло, спокойно, уютно въ нашемъ углу... страдальческій образъ такъ тро-

1) Труды Кіевской Дух. Акад. за 1909, апр., стр. VI—VII.

Гастъ.... тихая лампадка проливаетъ въ душу такую отраду.... И не замѣчаемъ мы, что Евангеліе становится для насъ предметомъ лишь душевнаго умиленія, грѣющаго сердце, а не глубокаго раздумья, проникающаго до самыхъ глубинъ души, переворачивающаго ее до дна, кореннымъ образомъ измѣняющаго ея направленіе, направленіе всей ея жизни. И не замѣчаемъ мы, какъ незамѣтно мало-по малу отчуждаемся мы отъ той мысли, что христіанство есть не тихое только мерцаніе ласкающей лампы, но и огонь поядающій, что не миръ Христосъ принесъ на землю, но мечъ, что кто хочетъ тѣснѣйшимъ образомъ соединиться со Христомъ въ невечернемъ дни Его царствія, тотъ долженъ пройти съ Имъ по крестному пути вплоть до Голгофы, что земля есть поприще непрестанной борьбы добра съ зломъ, вслѣдствіе чего человѣческая жизнь на землѣ, въ какомъ-бы масштабѣ мы ее не взяли,—не мирная ласкающая идиллія, а суровый тяжелый подвигъ, возвышающійся порой до потрясающаго трагизма ¹⁾.... Что-же, спрошу я—не должна ли послѣ всего этого звучать для однихъ—укоромъ, а для проповѣдниковъ Церкви—еще и постояннымъ напоминаніемъ проповѣдь ап. Павла о Распятомъ Христѣ, какъ живой полнотѣ и единой основѣ духовной жизни (—не судихъ что вѣдѣти въ васъ точію Исуса Христа и сего Распята—),—проповѣдь, такъ характерная, такъ опредѣлительная для всего проповѣдническаго „вѣщанія“ убажжаемаго св. Димитрія, митрополита Ростовскаго?! Не въ такой-ли проповѣди нуждается наше тепло-хладное время, не она-ли нужна, какъ оказывается, всѣмъ классамъ нашего общества?! „Нѣтъ ереси, говоритъ французскій проповѣдникъ Берсье, которая-бы такъ порождала скептиковъ, такъ ослабляла проповѣдь, такъ парализовала всѣ усилія, всѣ апологіи, и губила колеблющія души, какъ раздвоенность вѣры и жизни. Быть христіаниномъ и не любить! Говорить о силѣ Евангелія и не чувствовать ее

¹⁾ Труды Кіевской Дух. Акад. за 1909, мартъ, стр. IV—V.

въ своемъ сердцѣ, не проявлять ее въ своей жизни ¹⁾!....
Одинъ святой епископъ въ древнія времена христіанства
разъ увидѣлъ во снѣ Спасителя въ разорванной ризѣ.
Господи! кто Твою ризу раздра?—въ ужасѣ спросилъ благо-
честивый епископъ. „Это Арій,—было ему въ отвѣтъ,—
который говоритъ, что Я не одного существа съ Своимъ
Отцомъ. Посмотри, онъ разорвалъ у Меня ту ризу, кото-
рую и войны при крестѣ пощадили“. Если ученіе Арія
разорвало ризу Христову, то нынѣ что дѣлаютъ съ его
нешвеннымъ хитономъ?!... Пусть-же наполнить насъ
эта мысль спасительнымъ ужасомъ! Пусть громче и громче
раздастся и неумолкаемо да звучитъ живая проповѣдь въч-
ныхъ глаголовъ Божественнаго Страдальца и Искупителя!
Пусть могучими звуками гремятъ призывы къ единствен-
ному въ мірѣ Пристанищу отъ обманчивыхъ призраковъ!
Пусть, утомившись въ безплодныхъ поискахъ, въ этихъ
потугахъ и усилахъ зайти за черту нормальнаго, перебо-
лѣвъ сомнѣніемъ, придетъ современный „богоискатель“ съ
измучившейся душой и разбитымъ сердцемъ къ единому
Утѣшителю и Спасителю міра Христу, сложить у подножія
Креста Его свою сатанинскую гордость, и, успокоенный
здѣсь отъ всѣхъ мукъ сомнѣнія и исканія, какъ довр-
чивое дитя, упадетъ на грудь Его съ радостнымъ исповѣ-
даніемъ **Θомы: Господь мой и Богъ мой!**

¹⁾ Бесѣды Берсье (изд. Тузова, пер. Мальцева), т. III, стр. 50, 93.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru